

К окончанию гастролей МХАТа в Алма-Ате

В ЭТИ ОСЕННИЕ ДНИ

Сентябрь — солнечный и зеленый с легкой позолотцей, традиционный сентябрь гастролей стал нынче для алмаатинцев длительным праздником искусства. И на улице, и дома, и в гостях, и на работе можно было слышать: МХАТ, Московский Художественный. Разговоры и споры о любимых артистах, о виденном вчера спектакле...

Искусство не очень любит арифметику, но все же: больше ста тысяч алмаатинцев посмотрели спектакли МХАТа. Мхатовцы поработали с полной нагрузкой. Прибавьте к спектаклям встречи с актерами, в том числе и спектакли в концертном исполнении с участием народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда А. И. Степановой; выезды на предприятия, в колхозы, многочисленные интервью в печати, по телевидению и радио, — и вы сможете представить себе, как возрастает сама по себе внушительная цифра — 100.000.

Московский Художественный остался верен традициям, заложенным еще в первые, далекие от нас годы его создания. И если он стал, справедливо стал театром имени Горького, то на его занавеси по-прежнему реет чеховская чайка. «...Театр Горького», — говорил один из его основателей В. И. Немирович-Данченко, — не исключает театра Чехова, а как бы собирает его в себя».

И нам были показаны два горьковских и один чеховский спектакли — «Дачники», «Последние» и «Иванов». Нет, это не просто дань корифеям, дань первооснователям — это органическая сущность театра, ко-

торого (как и зрителя) волнуют социально-психологические глубины и нравственная проблематика, решаемая не поучениями, не рассуждениями, а образностью, жизненной правдой.

Что касается «Иванова», то от этого спектакля живые нити тянутся и к прошлым постановкам, к давним «Чайке», «Вишневому саду», «Трем сестрам», и к нашим дням, к будущему, когда Чехов с его уважением к достоинству человека, с его непримиримостью к фальши, позерству, с его моральной чистотой всегда необходим нам. Мы восхищаемся и сожалеем, что блага порывы Иванова в проникновенном исполнении И. Смоктуновского остались втуне, что он — деятельный и хорошо начинавший, попал в тупик и окруженный стеной уездных мушкетеров в атмосфере духовного разброда русской интеллигенции начала восьмидесятых годов прошлого века пришел к своему трагическому и тем не менее логическому концу.

Репертуар для гастролей создавался умно, продуманно, разносторонне. Нет ничего удивительного в том, что из тринадцати спектаклей, привезенных в Алма-Ату, четыре поставлены по пьесам Александра Гельмана. Можно не соглашаться с мнением одного нашего алмаатинского рецензента, что самая сильная сторона этого драматурга — характеры, можно спорить, каковы в нашей стране театру больше удалось «Мы, нижеподписавшиеся», как можно дискутировать и о том, что сильнее воздействует — фильм «Премия» или одноименный спектакль МХАТа

«Заседание парткома». Но бесспорно одно — Гельман один из наших самых острых театральных авторов, смело и глубоко вторгающийся в жизнь, умело нащупывающий ее болевые точки. Его произведения — произведения прежде всего публициста. И закономерно, что театр, сознающий по словам К. С. Станиславского, «свою воспитательную, общественную и политическую роль», просто не мог не взять их на свое вооружение.

Пьесы Гельмана динамичны, как ритм нашей жизни, достоверны, как стенограммы. Конфликтные ситуации, показанные в них, натянuty, как тетива, остры, как стрелы, и цель обнажена до предела. Драматург создает для своих героев такое положение, что действовать, а значит, и проявить себя надо безотлагательно, и, конечно, трижды прав театр, воялек в эти спектакли самых талантливых, самых опытных своих мастеров и даровитую молодежь. Даже в каледоскопе, в мелькающих светотенях, в бесконечных разговорах «Обратной связи», в заседаниях (опять как в жизни!) вы, словно вопреки этой спешке, запомните и партийных работников, и управляющего строительством, и знакомых по фельетонам (и по жизни!) толкачей-ловкачей, и экономиста... Запомните потому, что рисунок каждой роли отчетлив, продуман, потому, что это Андрей Попов, Евгений Евстигнеев, Иннокентий Смоктуновский, И. Саввина. Потому что они увлечены, а увлеченный талант — талант двоякий.

Тут я позволю себе крат-

кое отступление. Четверть века назад Борис Пастернак писал:

...Талант — единственная
новость,

которая всегда нова. Строки эти из стихов «Актриса», посвященных актрисе МХАТа, народной артистке СССР Анастасии Платоновне Зуевой. Но эти слова поэта можно отнести ко всему Московскому Художественному, его нынешнему главному режиссеру Олгу Николаевичу Ефремову. Кстати сказать, именно он осудестал постановкой всех пьес Гельмана, находя для каждой свой ритм, свою конструкцию, свои краски. О спектаклях по пьесам А. Гельмана уже подробно рассказывалось в «Казахстанской правде».

...Так случилось, что два спектакля МХАТа оказались «казахстанскими», и это еще более усилило добрые, благодарные чувства столицы республики к театру. Речь идет о «Мятеже» и «Волоколамском шоссе». Такого еще не было во время гастролей центральных театров. И если «Мятеж» возвращает нас к истокам революционной истории, в город Верный, то «Волоколамское шоссе» будит не только свежую память о Великой Отечественной войне, но и говорит о панфиловцах, которые еще в строю, о Баурджане Момышулы, недавно ушедшем от нас. Мы забывали, что на сцене Б. Щербаков, мы видели Баурджана; что на сцене Г. Бурков — мы встречались с генералом Панфиловым. Несмотря на условность портретного сходства, несмотря на дистанцию времени. И казалось потом — проспект Абая, проспекты на-

шего города как бы продолжают Волоколамское шоссе, где под Москвой решалась судьба не только Москвы...

Молодость воспитывается на этих патристических спектаклях, но для молодости и о молодости театр показал «Валентина и Валентину» Михаила Рождина, очень мхатовского драматурга по своей остроте, по своему пристрастному изучению жизни в ее самом будничном течении, по умению проникать в психологию обыкновенных людей, которые нас с вами окружают. В этом спектакле и участвуют преимущественно молодые актеры. Он искренний и немного грустный спектакль, как всегда, светло и грустно воспоминание о первой любви. К этому спектаклю, видимо, примыкает и «Эльдорадо» по пьесе интересного драматурга А. Соколовой.

И вот совершенно неожиданый «Тартюф». Что такое привлечение режиссера «со стороны», в данном случае Анатолия Эфроса? Это — поиск, эксперимент, это новаторство, которое в традиции МХАТа. Спектакль поражает стремительным темпом, цветом, колоритом. Оставим в стороне споры, кто главный на сцене — Оргон (А. Калыгин) или сам Тартюф, ханжа и святоша (С. Любшин). Постановка пьесы Мольера приносит и эстетическое наслаждение, и заставляет подумать, что и у нас еще нет и не встречаются ханжи. Мы любовались большим и малым — и верностью характеров, и лукавой обаятельностью Эльмиры (А. Вертинская), и феерией движений, и даже фокусом в стиле Кио — куда же про-

пал Оргон, спрятанный под столом...

«Тартюф» выходит и не выходит за рамки МХАТа, ибо настоящий театр — это всегда разнообразие, всегда удивление.

Наступили росстаны. Мы говорим Московскому Художественному — до новых встреч!

Уже в театральной афише извещение о скором начале сезона в Республиканском русском театре драмы имени Лермонтова. Гости уезжают, мы сердечно прощаемся с ними, и совершенно естественна мысль — что же нас теперь ожидает на сцене? Будем объективны: достигнуть мхатовских высот, к примеру, тому же республиканскому русскому театру не так-то легко, но стремиться к вершинам можно и должно. И уж совсем обязательно творчески, профессионально извлекать уроки из гастролей, из общения, хотя бы в качестве зрителей, с прославленным коллективом. Как широко и продуманно строится репертуар МХАТа с его непременным равнением на современность, на активное вторжение в жизнь, с его уважением к классике — русской, советской и мировой. Как с полной выправкой сил, упорно и самозабвенно работает коллектив МХАТа. Как смело ищет новое — своих авторов, свои конструктивные решения, свой стиль...

Не будем забывать — и у МХАТа были и есть свои трудности, и его дорога не всегда оказывалась гладкой. От спектакля к спектаклю театр движется в борении. И поэтому то он и дарит зрителю большие радости, заставляет волноваться, задумываться о жизни.

И представлять жизнь такой, какой она есть, — милогообразной, сложной и всегда удивительной.

Алексей БРАГИН.